

Пентакль twin

Так случилось, что нас оказалось пятеро. Неожиданно, правда? Самое естественное число для наиболее стабильной конфигурации — как факт природы — но даже оно не спасло наше спокойствие. В благородном цивилизованном обществе было принято играть во все эти многомудрые игры с приобщённостью — и мы не стали исключением. Как потомки бесчисленных прародителей созданий сего бытия, мы, не от хорошей, однако жизни, решили примкнуть к сообществу обретения самих себя — и уже прошли довольно-таки немаленький путь для того, чтобы зваться если и не адептами, то, по крайней мере, предвосхитителями многомерности.

А что же ещё является для любого культиста самым сладким моментом его жизни, как не метафорическое окукливание, когда из тонких и цепких струн души вылазит наружу имаго чужого, а точнее всего того чуждого, что и так пробирает нас ежесекундно своими незримыми ветрами, способность узреть которые может прийти до восприятия как путём долгих многолетних тренировок, так и абсолютно моментально. Да, да, я не шучу — моментальные прозрения практиковали и в древности, так почему бы нам не попробовать практиковать их всех прямо здесь и сейчас? Ежемигно. Ежесекундно. Ежеобразно. И вообще — в любой форме «еже».

Никто не ведает, как выстроились линии существования для того, чтобы пересеклись в одной точке пространства и времени личности столь разнообразные по своему изначальному происхождению — но именно наше сходство в плане устремления к отсутствию каталогов и категорий стало тем самым ядерным чехомоданчиком, запустившим цепную реакцию, столкнувшую нас в пучину культовой инициации.

Думаю, для начала неплохо было бы представиться. Зовут меня Рудрих, и более обо мне ничего неизвестно, а то, что известно — не столь уж и важно. Действительно, кому может быть какое дело до стороннего наблюдателя, чья задача не сколько изменить мир, сколько понять его. Конгломерат единого кластера Наблюдателей — структура гибкая настолько, насколько хватает фантазии её реализовать, поэтому мы не вмешиваемся в уже созданное силами до нас. Эти структуры постепенно сами достигнут необходимой им эволюционной точки развития, да и к чему ворошить дела прошлых лет, стараться перестроить статическое былое, тратить нервы и энергию на смещения пространств из прошлого в будущее, если наиболее конструктивной целью было бы создавать всё более совершенные и сложные формы картин проекций, не забывая о населённости старых — всегда и везде найдутся те консервативные существа, чьим оптимальным способом жизни будет оставаться в прошлом — в одном из некогда созданных нами плоскостей набора свойств и законов для игры в жизнь.

Мы все впятером находились в убежище Познания, откуда и должен был начаться наш путь в бесконечность. Думаю, идейно правильным будет и замолвить слово о тех моих «коллег по культуре», с кем мне довелось пройти древний обряд. В убежище в тот день пришли Ниомия и Тиханна Сай, Арчибалд I Семиланцеат и Кэп Энерджи. За несколько минут до начала обряда в отсек убежища Познания постучался самый древний и самый высший из хранителей жреческого ритуала восприятия. Он был столь стар, что, казалось, его кожа серебрится жидким светом звёздной пыли, из которой он целиком состоит. В

плане мира идей он был, вероятно, предвестником рождения Земли во Вселенной и последующего зарождения жизни на нашей планете, и поэтому хмуро смотрел на всех нас из -под своих толстенных очков. Даже в имени его, похожем на чьё-то хриплое карканье, сохранился слабый отблеск изначальности — Олгл.

Ниомия нас подготовила ко встрече напарника-наставника: «Готовьтесь, сейчас к нам придёт Олгл!». Мы расселись по углам убежища и приготовились слушать долгую и длинную напутственную речь, однако она была недолгой и недлинной: «Поздравляю! У вас всех остался лишь микроскопический шаг, до понимания. Понимания своей природы, понимания природы других людей, окружающего мира и всей своей прожитой жизни — откуда в ушли и куда вы пришли, в каком направлении движетесь. Так хочу вам пожелать, чтобы в том ничем не сдерживаемом урагане, который откроется сегодня вам, каждый увидел бы, как в зеркале, отражение каждого. Что будет потом? Зависит только от вас — после раскрытия восприятия границ уже нет и ничто не в силах сдерживать ваше сияние чистого разума, поэтому выбирайте тщательно и тщательно же вбирайте, а выбрав и вобрав одно направление из их бесконечного числа — идите к этому направлению легко и непринуждённо, не задумываясь о дальнейших действиях, вопросах и проблемах. Одно лишь вас попрошу соблюсти наиболее тщательным образом — ни за что, вы слышите меня — ни за что не покидайте убежища!» Сказав эти слова Олгл встал и, не дожидаясь ответа, оставил нас наедине с собственными рассудками, радикулитно покряхтывая при выходе из комнаты, хотя казалось, что ещё чуть-чуть, и он выйдет не из комнаты, а из тела.

Когда мы начали обряд единения разумов, то тотчас же стало ясно, что получающийся единый разум пяти работает в пять раз эффективнее разума каждого из нас: стали заметны те вещи, до которых, казалось, у людей неиницированных нет доступа — воздух словно бы наполнился живой и текучей энергией янтарного цвета, мерцавшей малейшими вспыхивающими то там, то сям искорками пылинок так, что складывалось впечатление, будто кто-то развеял в воздухе золотой песок, лёгкий, как дым, или словно мы все плаваем внутри супа.

В этот самый момент пришло понимание, что храм — это там, где ты есть. Высокие сводчатые стены полки в убежище уходили ввысь на десятки метров, пропуская через себя величественную сводчатую синеву косых лучей, мерцающих всё теми же летающими в разные стороны пылинками. «Довольно-таки странно, что небесная высь зовётся лазурью», - подумал я - «пожалуй, она всё-таки больше похожа на глазурь. Да, именно на глазурь, аж хочется небо скушать».

Прошёл ещё всего лишь миг, микроскопический, как микроб, на временном интервале своего существования, а мы уже все сцепились воедино вокруг рисунка неизвестного художника. Рисунок изображал тоже некую инициацию под покровительством кого-то высокого, распростёршего огромные охапки рук с крючковатыми пальцами над алым маревом солнца, поэтому тематика была нам очень даже кстати. Была и разница — кажется, все эти радостные и пляшущие люди в плащах были готовы навсегда уйти в нависшую над ними звёздную жаровню, навсегда выбрав путь в никуда, тогда как мы задались вопросом ответить на загадки первозданной свободы передвижения по туннелям и ритмам собственных узоров.

Сознание каждого из нас в сцепленном состоянии отдавалось пульсом

мыслей — и не было никакой возможности отличить в этом хитром переплетении собственную мысль от чужой и собственные чувства от навеванных со стороны. Разве что постоянно повторять что-то в голове, прокручивать, но и тогда оставалось лишь наблюдать, как остальные делают твои мысли, реализуют твои идеи на практике — и вот в этот самый момент решительно становилось непонятным, думаешь ли ты эту мысль потому, что сам того пожелал — и мысль эта заставила кого-то действовать в сцепленном едином разуме, или же ты всё это время думал странные уразумения только лишь в силу предвосхитившего миг намерения действий со стороны того человека, кто эти действия совершил.

Мы все были запутавшимися в паутинках бабочками, причём паутинку плёл отнюдь не паук — нет, паутинку плела каждая бабочка из нас. Ещё это напоминало нежданно-негаданно оживших театральных кукол на ниточках, и каждая из этих кукол неосознанно дёргала за ниточки всех других кукол, не желая, впрочем, никого дёргать, а просто-напросто шевелясь в потоке биения волн и частот. Мы все сошлись в одной точке из-за соприкосновений конфигураций наших общих биений — и объединили их в широкую тёплую полосу колоссальной энергии. Именно изначальное сходство наших волн, волночек и волнушек и позволило пересечься здесь и сейчас для выполнения самой высокой цели — а что может быть выше для живых существ, как не цель дальнейшего продвижения, развития и эволюции сознания, переходящей в революцию? Конечно, условность целей и их нейтральность для мира — вечное напоминание нам о необходимости синхронно шагать в ногу с законами существования и сосуществования, но каждый из нас — а теперь уже все вместе — отнюдь не лишены воли выбирать, в какую из всевозможных форм облечься на этот раз.

«Рудрих, присоединяйся к нашему кругу», - позвал меня Арчибальд. Вокруг картины, точно пылающее в ней солнце, зажётся новый конгломерат разумов. Ниомия и Тиханна Сай — сёстры, и их рассудки горят живым и пытливым гармонично вписывающимся в окружение огнём.

Тиханна — высокая и длинноволосая, в постоянной игре сама с собой, она, кажется, решила не выбирать никаких личин, как это делают другие люди, а сделать каждую из личин настоящей личностью, даже если личности эти диаметрально противоположны. Ничто человеческое ей не чуждо, и часто ей ближе покой и умиротворение, простые и светлые человеческие эмоции, заботы и мысли, всё только самое нужное, ничего лишнего и ничего сверх меры она также не приемлет.

Многие мысли, которые посещают Тиханну, она, пожалуй, хотела бы скрыть от общества, а также от друзей и иногда — даже от самой себя, но за отсутствием личин ей особо не приходится это делать — достаточно лишь переключить образ на тот, который в большей мере она старается поддерживать среди всего своего окружения — и вот уже все прочие стороны оказываются адаптивно законсервированы, а что внутри них — не выйдет никогда, пока не будет выбрана очередная её сторона, точно верный постовые, сменяющие друг друга к сроку усталости от нахождения на своём посту, предполагающем понимание под одним из известных ракурсов. Нет, мелкие личины, они, конечно, имеются, но их алгоритмическая роль настолько невелика, что их даже за личины-то особо принять нельзя — так мелкая программка для ежедневных набросков человеческих взаимодействий. У каждого есть, однако! Если смотреть

внимательно.

Но в общем и целом, Тиханна живёт по задуманному ей плану и постепенно ей это всё лучше и лучше удаётся — логика с приложенными усилиями никогда не пропадают зря — и вот уж контуры будущего очерчены достаточно ясно. Она, наверное, даже смогла бы выбрать все направления сразу — это не столь уж сложно для человека, которого много в разные стороны узоров, больше похожих на дифракцию огня. Зачастую поступает по-своему даже в случаях, если это может помешать или быть неприятным другим людям, приоритетность держит ситуационно — но это уже частности, поскольку свобода у Тиханны основывается, прежде всего, на её возможности в любой ситуации находить близкое и лучшее для себя, не только извлекая пользу, но и развлекаясь, и эта многомерность восприятия ситуации исходит и замыкается на многомерность существа самой Тиханны.

Ниомия, сестра её, имеет мощнейшую силу, позаимствованную у самой природы — и в природу же возвращающуюся, и этот бесконечный круговорот позволяет ей на время становиться камнем, берёзой или совой — принимая и воспринимая всё самое лучшее от этих существ, порождённых на Земле. Воля и целеустремлённость Ниомии — вот движущая сила её встроеного моторчика, который начинает угасать только тогда, когда круговерть событий отрывает Ниомию от природы и происхождения всех вещей, а если ей получается войти в новое русло снова, то нет ничего загадочней той скорости, с которой потоком и напором водопада силы вновь возвращаются к ней, будто тотемное и лесное существо её загребаёт из ручья Пустоту энергетической лапкой смыслов, откуда исходят все возможности приложения полученной силы — и сила эта чиста, как будто нет ничего вообще, а что может загрязнить Ничто?

Ведь любое что-то, попадающее в Ничто исчезает. Точнее, это Ничто исчезает, поскольку, включая в себя что-либо, оно перестаёт быть ничем, при этом оставаясь где-то вдали от действия возложения вовнутрь себя чего-то, никем не тронутым Ничем. Именно эта сила, взятая в долг, позволяет Ниомии бывать иногда очень жёсткой и решительной, ситуации любят её за способность распутывать гордые узлы закрученностей вопросов и находить нестандартные решения.

Арчибальд I Семиланцеат из аристократического рода Семиланцеатов — благородный рыцарь — и поэтому как будто никогда не был привязан особо сильно к бытовым реалиям мира — они проходили и проходят через него легко и непринуждённо, как будто правду говорят. Кажется, что если Арчибальду удастся найти врата восприятия, то даже сам Страж снимет перед ним шляпу и вежливо так поклонится по-тараканьи, развевая тонкие и длинные усищи по ветру. Найденные проблемы сворачиваются у него в ничего не значащие пороссячи хвостики, которые с радостным повизгиванием разбегаются в разные стороны — кто куда, и, воистину, остаются лишь многообразные решения. Честный зачастую, как сытный бутерброд со сливочным маслом, старающийся не нарушать закон бутерброда, Арчи Семиланцеат как будто прибыл с противоположной стороны жизни, некой глобальной изнанки, где ширина, щедрость, разнообразие, особенность и честь ещё имеют хоть какое-то значение.

Капитан Энергия, или просто Кэп Энерджи — искатель понимания природы хода вещей, как и все мы здесь, он довольно аккуратен и корректен, а

своеобразная хитрость и проницательность играет ему на руку, когда он ищет результат, они же позволяют ему зачастую понимать людей с полуслова, и в силу этого, если прочие ходят проторенными тропами до дальних островов, кладов и посёлков, то Кэп Энерджи умеет телепортироваться в нужный ему пункт назначения практически мгновенно, хотя большая согласованность частей и собранность внутренних явлений сделали бы его ещё сильнее и прозорливее.

Наконец, когда Олгл отчалил, то мы все заметили, что он оставил следить за нами Цербера, который был единственным существом, чьё сознание не могло быть объединено с нашим, имея в себе железобетонную защиту в виде чуждости устройства и обустройства его рассудка и интеллекта. Цербер тотчас расставил свои сакральные метки по углам убежища Познания, призванные сохранить наше единство и не допустить, чтобы мы покинули убежище, пока не очистим и не отдраим его от этих самых меток.

Когда на стенах проступили надписи и рисунки, предназначенные именно для чтения конгломератом из наших пяти разумов, то неведомое и невидимое жужжание с грохотом принялось выталкивать нас за пределы. Как известно, за пределами убежища обитают охотники, создания иного порядка и многообразные твари, числа коим не счесть, вот только проявляются они именно в сам момент инициации — и никогда больше. Их цель — отсеять лишних, отсеять слабых. Вот такой образовался естественный отбор как неизбежный элемент эволюции кланов восприятия.

На улице наш сцепленный кластер начал постепенно растворяться в холодном шорохе шелестов — таким способом, как пчёты тают в вихре смерча вместе с автомобилями, деревьями и домиком Элли, так же, как кусок сахара распадается, точно пирамида во время землетрясения, осыпаясь мелкими осколками куда-то вниз. Цербер забеспокоился и жалобно заскулил, но ничего не мог поделать с нами, когда неведомая сила, до краёв переполнившая убежище, вытолкнула нас в призрачные зоны, оказавшись несоразмерно мощнее и напористее силы, которой обладал наш страж.

Над головой всколыхнулось на миллиарды световых лет полотно звёздных гирлянд и иллюминаций. Подумать только! Над нами в тот момент было расстояние, по сравнению с которым, каждый из нас — ничто, включая даже нашу планету. Миллиарды. Световых. Лет. Над головой. Прямо. Над нами. Понимаете? Я присмотрелся и увидел, что звёзды рисуют узоры, скатываясь с места на место, точно с горки на расплавленной сковороде, образуя отливающие радугой паутинки неведомых мне ранее созвездий. Такое красивое небо далеко не каждый день увидишь, наверное, оно только здесь такое — ведь мы не где-то там, а возле самого убежища Познания. В каждой части неба обитают свои помощники — и я видел, как зоны неба различными оттенками и полутонами клубящихся галактик — от бурых до синеватых и зеленоватых — разговаривают со мной бесшумными голосами несущих смысл вибраций. В тот момент казалось, что не существует никаких охотников, жрецов-культистов и прочих сущностей, настолько далеки были в тот момент все мелочные и мещанские проблемы жизни на Земле. На какой-то момент начало обнаживаться, что нет никаких сознаний, равно как и никаких созданий, даже свой собственный разум как бы перестал существовать — остались только клубящиеся и пляшущие на невообразимо невероятном расстоянии разноцветные звёзды.

Кэп и Тиханна нависли в гармонии где-то сверху, образовав гигантский шар энергии. Их конгломерат казался завершённой формой, если бы не однозначное сцепление разумов всех, кто присутствовал среди нас. В этот момент единения с природой и объединения осколков кластера, Ниомия попыталась отколоться от нас. И ей это удалось. Миг — и Ниомии нигде уже не было, она растворилась где-то среди дышащих полей ландшафта, торчащих, словно вставные в землю зубы, зданий и сооружений, домов и домишек, оставив лишь слабый шлейф касаний своего понимания вокруг заснеженных пульсирующих степей.

Стоило нам с Арчибальдом выскочить на тропу в попытке обрести потерянную нашу часть, как появился охотник. «Прячься, это за нами!» - только и успел я выкрикнуть Арчибальду, прыгая в сугроб. Охотник проехал мимо, ничего не заметив, а нам пришлось продолжить поиски. На скандинавской стороне находилось убежище, куда мы и отправились тёмными тропинками. Несколько раз нам попадались охотники — и всякий раз до них решительно невозможно было определить расстояние. «Это они специально так делают, след запутывают», - уверенно произнёс Арчибальд. Один раз хохот охотников звучал прямо в наших ушах, хотя сами они находились на значительном расстоянии от нас. «Телепатируют прямо в уши», - проговорил я и Арчи кивнул в знак согласия.

Дело в том, что устройство структур охотников позволяет им находиться в некоей волновой позиции, распространяясь по орбите внутри заданной траектории, как электрон. Именно поэтому каждый миг они выглядели в погоне за нами на разных расстояниях — так, что мы и не знали, стоит ли их пугаться вообще — или нет. Вот группка из четырёх охотников находятся на расстоянии пятидесяти метров от нас, или нет, их только трое, но они в сотне метров от нас, а теперь вот их уже пятеро и, кажется, до них можно практически дотронуться рукой. Уффф...кажется, отвязались. Наконец, я увидел одного из них, он бежал по тропе прямо за нами. Сначала это был всего лишь маленький перекатывающийся и расходящийся волнами комок земли, который, как голем, неожиданно подрос, возмужал, вытянул амёбообразные ложноножки и потянул их в нашу сторону, да только что уж тут греха таить — неопределимость расстояния до него делала его охотником отнюдь не в меньшей, если не в большей мере. «Арчи, смотри, он за нами бежит», - сказал я Арчибальду, на что тот ответил сквозь свой позвякивающий рыцарский достпех: «Да просто мужик какой-то бегает». Я не унимался, как так, ведь охотники же не дремлют: «Ты смотри, смотри, он по полю перекатывается, с ног наголову встаёт — и движется, как перекаати-поле, а ещё у него, кажется, шесть конечностей, и вообще, он на гидру похож». И мы в спешке продолжили наш путь, стараясь одновременно оторваться от преследовавшего нас охотника и настичь сознание Ниомии.

Очень даже вскоре мы достигли скандинавского убежища. Снег медленно вспыхивал и тут же гас микроскопическими мотыльками в свете вечернего фонаря, это кристаллическое время словно бы текло по каким-то своим собственным, только для него характерным законам, будто скандинавское убежище было перенесено сюда из какого-то другого, сказочного слоя проекции существования, и снова у меня повторилось это прекрасное и возвышенное осознание вечности и незыблемости отражения мира в мир, и заново не было никаких охотников, никаких погонь, а оставалась лишь странная, но столь естественная и нужная игра, в которую мы все здесь играем, причём

придуманную даже не кем-то, а скорее — чем-то, а оттого играть приходится по правилам чужим, а не своим. Тем не менее, по каким-то не то, что бы неведомым, а уж скорее — по полуосознанным причинам, я понимал, что мы должны завершить начатое, мы действуем правильно и мы все — на правильном пути, который неизбежно приведёт к новой ступени в жизни каждого из нас.

Арчи Семиланцеат попросил его подождать, пока он будет улаживать дела в скандинавском заснеженном убежище, но в этот самый миг призывное сознание Ниомии внезапно вторглось в наш общий разум. Втроём охотники уже не имеют смысла, просто они не могут делить не поровну, не способны на это и, кажется, от рождения. Мы с Арчи смело вышли за врата скандинавского убежища, покинув его с некоторым сожалением и чувством чего-то давно забытого, не свершившегося и не вспомненного, как будто присутствовавший в убежище отклик памяти разбудил в нас благую весть о давнишних, наивных и, в общем-то, сейчас уже не столь уж нужных и значимых надеждах на столь же светлую и необъяснимую абстракцию чего-то лучшего, всегда больше походящего на без меры идеализированное обещание неизвестно кого и неизвестно кому, скорее это основательное, базовое обещание, существующая в мире как категория вещи в себе, и облакаемая в смысл, мысли и форму только тогда, когда провалится колодец человеческого разума и будет окрашена им, отразившись в миллионах зеркал импульсов на синапсах, спонтанных и спровоцированных спайков и синестетических прохождений сигналов в соседние области центров коры головного мозга, фильтрующего, как глубоководная губка, неопишуемые обертоны музыки Вселенной.

Небольшой путь по полю под мириадами россыпей в миллиардах миль над головой приоткрыл завесу своих тайн, показав себя с совершенно новой стороны. В поле шептались тонкие и поникшие ветки старых прозапелых трав, переползали с места на место разноцветные, преимущественно, зеленоватые, желтоватые, красноватые и синеватые сугробы, поверх которых прыгали некие странные существа, похожие не то на собак, не то на людей. И так же, как и преследовавший нас по своей беговой дорожке почти до самого скандинавского убежища охотник, все они кувыркались с ног на голову. Я попробовал сцепить своё сознание с сознанием небольшого и кустистого зеленоватого сугроба, который в этот момент как раз приветливо мне улыбался. Сугроб сразу же нахмурился, сделал вид, что ничего не замечает и отполз подальше. А я всего лишь поподробнее хотел его расспросить, где нам искать Ниомию. Он же сугроб. Он всё знает.

К сожалению, сугробы и их многощупые обитатели оказались не слишком-то приветливыми, и тогда наш быстрый шаг перешёл на лёгкий и непринуждённый бег. Как только это произошло, над головой ярко что-то сверкнуло — видимо, пролетел маленький но весьма ослепительный метеорит на фоне по-прежнему переливчатого и вечного как сам мир, неба. И пусть существа других диапазонов видят космос совсем по-другому, возможно, ещё красивее или ещё страшнее, или вовсе — способом, не поддающимся даже приблизительному описанию за отсутствием в человеческой речи и в человеческой практике подходящих слов, но даже тех скромных возможностей, что даёт нам глаз, вполне оказалось достаточно для того, чтобы оценить практическую безразмерность всего, что творится за пределами нашей планетки на отшибе галактики и постичь

весь ужас и одновременный восторг от процесса существования и самоосознания.

«Ты загадал желание?» - спросил Арчи Семиланцеат. Я улыбочиво кивнул и тотчас же заметил старый бюст вождя мирового пролетариата. И вот уже, одетый в чёрный длинный кожаный плащ, не переставая бежать по дорожке рядом с Семиланцеатом, позвякивающим своими зеркально начищенными доспехами — и как все эти рыцари их носить не устают, а? - поднимаюсь я на трибуну, чтобы толкнуть речь перед молодёжью: «Дорогие товарищи! Друзья! Сегодня великий день для каждого пионера, верно воздающего долг во славу Отечества, во славу великой миссии построения коммунизма во всё мире по завету наших отцов, дедов и прадедов, проливавших в воинских сражениях Гражданской войны кровь под красными стягами с тем, чтобы нам сейчас жилось уютно и безопасно, вдали от ужасов классового неравенства и буржуазной эксплуатации пролетариата, составляющего основную движущую силу промышленного развития в мире, а значит, и вся власть над ресурсами должна быть в народных руках, знающих, как распорядиться этими ресурсами во всеобщее благо! Я обращаюсь к вам, молодежь, ведь именно вам предстоит вести страну в будущем и, несомненно, войти в то светлое будущее всеобщего равенства и благоденствия народа, которое прочили нам наши предки! Сегодня вам всем предстоит вступить в ряды ВЛКСМ получив новое прозвание и призвание — комсомолец. Так носите же его с гордостью во славу нашей великой социалистической Родины — Станы Советов!»

К реальности меня вернул благородный Арчибальд: «Смотри, это же Ниомия!» «А ведь точно...это точно она? Что-то я замечтался чуток», - ответил я вглядываясь в приближающуюся фигуру. Когда догадки Семиланцеата подтвердились — и нас на дороге действительно поджидала Ниомия, то мы все снова объединили разум, на этот раз — уже тройственный — а затем стали решать, как нам жить дальше и обрести первозданную гармонию на пяти звёздчатых лучах опоры, похожих на звёздочку, прицепленную к костюмам тех многочисленных ребят, перед которыми мне только что довелось выступать с трибуны где-то в параллельном мире.

Тем временем в нашем убежище, как в замедленном ритме танго, материя расходилась по швам, меняя собственную форму. Тиханна, будто бы движимая беспрекословной волей Шивы, обновляла ежесекундно происходящие вокруг структуры в новые грани, чью форму и назначение, пожалуй, способна описать лишь неевклидова геометрия, да и то с трудом. Каждая образуемая пылинка, каждый звон и всполох материи начинали относить эти всплески в стороны разных форм существования, а в перламутровых поверхностях новых преобразований граней отражалось пение волн в межзвёздных пространствах, звенящих от резонанса вхождения в такт с собственными же частотам, замыкаясь на себе в алгоритме бесконечного самоотождествления вовнутрь заложенных принципов естества во всех их разнообразных проявлениях, расслаивающихся дольками квант вероятностей и отражённых вовнутрь набора описаний разума реализаций.

Заложенная на начальном этапе инициации программа подразделила мир на движимый и недвижимый, маятником выворачивая относительности — недвижимый мир невозможно было видоизменить, только слегка коснуться его, придвинувшись к этому движимому миру — и тогда всё недвижимое оказывалось

способно менять нечто более движимое, тогда как движимое для Тиханны давало ей власть поступать как угодно с всем тем, что ниже рангом по степени подвижности — и фейерверки летели в разные стороны, осыпаясь кристаллическим дождём, видевшим отражения галактик ее глаз.

Ещё по возвращении в наше всеобщее убежище, замурованное в тоннель, Кэп Энерджи и Тиханна обнаружили крайнее недовольство своего учителя и наставника Олгла, сурово посмотревшего из-под своих тяжёлых очков и повздыхавшего на них от души со всеми своими проблемами и идеями. Олгл решительно не мог понять, как это мы все решились нарушить его прямой запрет покидать убежище Познания. Однако и этот вопрос очень вскоре решился. А нам, в свою очередь, оставалось сделать всего лишь шаг — и этот шаг предстояло сделать втроём.

Ниомия, как я уже сообщал немного выше, появилась так же неожиданно, как исчезла. «Давайте теперь все вместе пойдём в убежище и вновь станем едиными», - предложил Семиланцеат. «Нельзя, сейчас туда нельзя никак идти! Там нас уже поджидают охотники с безатмосферными существами! А вместе с ними суровый наставник Олгл и озадаченный собственным бессилием нам помочь Цербер. Интересная компашка собралась, правда?» - Ниомия явно была очень сильно озадачена расщеплением нашего единого рассудка. И было на самом деле чувство, что этот самый рассудок мы все уже потеряли, оставив где-то под полевым кустом среди шестилапых и многопалых зверей на ложноножках и ползающих хищных разноцветных сугробов под ярко-зелёными всполохами светящегося воздуха.

Мы уже думали, что инициация подходит к концу, но не тут-то было! Хитрый учитель Олгл из местного земноводного сотворил голема-агента, призванного нас дальше переправить на пути понимания. Голем-агент оказался невысокого роста недавно превратившимся существом женского пола, сохранившим в себе изначальные черты земноводного, что явственно свидетельствовало о том, что хотя бы часть плана Олглу удалась. Агент обратился к нам: «Вы теперь на новую тропу встаёте, помощь осваиваете. Не сможете ли бедной даме добыть в Храме Подкрепления немного священного напитка хаомы. Он мне для ритуалов нужен. Поможете, а? Только вот вам его так просто никто не даст. Хаому, знаете ли, так просто каждому встречному-поперечному вовсе даже не дают. А дают её не первому встречному-поперечному. Поэтому вот вам моя кодовая фраза: «Огурцы мы, померанцы, за хаомой посыланцы, нам напиток важен взбитый — ведь тогда мы будем квиты. Нужен он не для корысти, а для песнопений в твисте. Ну а если не дадите, то пошлём мы вас в корыте!» Вот точно так скажете — и дадут вам мою хаомушку. Всё запомнили? Ну вот и чудесненько, вот и молодцы!»

Не буду утомлять читателя не вполне интересными подробностями посещения Храма Подкрепления, вспоминания и проговаривания нашей секретной кодовой фразы, однако мы слишком поздно осознали, что голем не столь прост, как кажется. Испытание заключалось на самом деле не в помощи в доставке хаомы, а в выходе из той ловушки, где живёт наш голем. В тёмном туннеле казалось, что мы все застряли навечно, ведь мы должны, просто обязаны были решить непосильную для разрешения задачу: дойти до убежища незаметно для охотников, поодиночке, но так, чтобы снова никого не потерять. «Вы

понимаете, насколько глубоко мы влезли во все эти сферы, я вижу выжженное пятно на тенёте Реальности, через которую на нас могут посмотреть тысячи глаз», - сказал я. «А что нам сейчас с того, мы просто хотим вернуться в убежище, а дальше уже видно будет», - настаивал на своей позиции Семиланцеат. «Нельзя, да нельзя туда идти сейчас, нас заберут к себе безатмосферные сущности», - не унималась Ниомия.

В итоге очень долгих споров и переговоров, продолжавшихся совершенно неопределённый срок, мы с Арчи отпустили Ниомию, а сами пошли следом, стараясь не попадаться ей на глаза. Чтобы не провалить операцию, если уж можно так выразиться. Это было не столь уж сложно — Ниомия шла уверенно и без оглядки. И вот мы практически дошли до убежища. Охотников не было. Охотники были мифом, блефом, шулерский фарсом мишуры, внушённым нам нашим пожилым учителем и наставником Олглом. Мы выдержали. Мы прошли. Мы — победили!

Когда, уже будучи в убежище Познания, где наш хранитель и следитель Цербер неумолимо и неугомонно продолжал работу по расставлению сакральных защитных меток по углам, я посмотрел на Тиханну, то в определённый момент она мне увиделась в виде разноцветного сложного хрустального конструктора лего, где каждая хрусталина была окрашена в свой, только ей характерный цвет. Состыковываясь, они образовывали удивительно модернистского качества архитектурную конструкцию, притом что каждый из этих прямоугольников способен быть отдельным и полностью независимым существом, между которым Тиханна переключается в незаметном для себя режиме. Тогда я осознал, что в ней уже имеется конгломерат, наподобие нашего, и замыкание конгломерата в конгломерате способно порождать рекурсию в алгоритме. Хотя и гибкость этих прозрачных параллелепипедов никто не ставит под сомнение.

Тем не менее, мы все ведь объединились впятером, а образованный нами пентакль — точно печать, которой мы оставляем след там, где прошли, рассекая грань между миром обыденности и миром неисследованных областей восприятия. Мы — Арчибальд, Ниомия, Тиханна, Рудрих и Капитан Энерджи. Мы — пентакль, разделённый на два мира. Мы — пентакль twin.

*Белоусов Роман,
08 февраля 2015 года*